

Лукашевич Клавдия Владимировна

На жизненном пути

**Повести и рассказы Клавдии
Лукашевич**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
На жизненном пути: Повести и рассказы Клавдии Лукашевич / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 298 с.

ISBN 978-5-519-94000-9

Содержание. Даша севастопольская; Босоногая команда; Акуля; Стрелочник; Беднота; Дядюшка-флейтист; Из предместья

ISBN 978-5-519-94000-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Даша-севастопольская.

(Первая сестра милосердія).

I.

Въ окрестностяхъ Севастополя, въ одной изъ котловинъ инкерманскихъ высотъ, на берегу большой бухты, находился поселокъ по названію Сухая Балка *). Въ этомъ поселкѣ дома были невзрачныя, и жили въ немъ все люди небогатыя, по преимуществу, — семьи матросовъ. Бѣднѣе другихъ былъ крайній домишко въ Сухой Балкѣ. Онъ совсѣмъ почти развалился, крыша обветшала, заборъ покосился, одно окно вмѣсто стеколъ было заколочено доской: видно, некому было его поправить. Домишко этотъ принадлежалъ сироткѣ Дашѣ. Мать ея давно умерла, а отца-матроса убили при Синопскомъ сраженіи, когда дѣвочкѣ было тринадцать лѣтъ.

*) Теперь — «Сѣверная слободка».

Даша жила одна-одинешенька, въ большой бѣдности. Занималась она рукодѣліями, ходила работать поденно и много видѣла горя за свою короткую жизнь. Тяжело живется на свѣтѣ круглой сиротѣ,— осудить и обидить всякій, а заступятся, научать уму-разуму и приголубятъ немногіе.

Жены матросовъ недолюбливали сиротку, иначе какъ «Дашка» ее не называли:—«Дашка-де и неряха, она и грубіянка, и лѣнтаяка...» Можетъ-быть, и правда, что не все дѣлала, какъ слѣдуетъ, молоденькая дѣвочка, да некому было научить беззащитную сироту. Развѣ изрѣдка какой -нибудь старый матросъ пожалѣетъ и мимоходомъ перекинется словечкомъ-другимъ съ сироткой Дашей.

Время, съ котораго мы начинаемъ свой разсказъ, было тревожное. Носились зловѣщіе слухи о войнѣ, и никто не могъ быть спокоенъ.

Одинъ разъ, дѣло было подъ вечеръ, Даша стояла, прислонившись къ воротамъ своего дома. Это была маленькая, худенькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати, очень миловидная, съ длинною, толстою, русою ко-сой. Она задумалась и грустно переводила глаза съ окрестныхъ горъ на море, гдѣ заходящее солнце золотило поверхность, и гдѣ виднѣлось множество судовъ.

— Здорово, Даша! Что призадумалась?—раздался неожиданно грубоватый мужской голосъ.

Дѣвушка вздрогнула и очнулась. Передъ ней сто-

ялъ старый матросъ, молодцовато сдвинувъ шапку на затылокъ, и курилъ трубку.

— Здравствуй, дядюшка! Присядь на скамеечку, дорогимъ гостемъ будешь!

Матросъ сѣлъ.

— Какъ живешь, Дашенька?

— Плохо, дядюшка. Самъ знаешь, каково жить сиротѣ. Напраслину скажутъ, обидятъ, — никто не заступится, не пожалѣетъ.

— Такія ли бури бываютъ. Терпи... На то ты дочь матроса, чтобы штормовъ не бояться... Твой отецъ былъ «ерой»^{*)}). За родину погибъ...

Слезы набѣжали на глаза дѣвушки, и она тяжело вздохнула.

— И то, дядюшка... Иногда задумаешься объ отцѣ... Таково тяжело станеть... Принялъ смерть, и родная рука глазъ не закрыла.

Даша задумалась, но тотчасъ же отерла слезы и спросила:

— А что, дядюшка, правда ли, говорятъ, что у насъ скоро опять война будетъ?

— Можетъ, и будетъ, можетъ, и нѣтъ, — уклончиво отвѣчалъ матросъ.

— Какое страшное дѣло эта война! Сколько народу безвиннаго погибнетъ... Сколько сирыхъ останется.

^{*)} Герой.

— Тебѣ-то что, дѣвушка? Терять тебѣ некого. На войну, пожалуй, тоже не возьмутъ.—Старый матросъ разсмѣялся.

— Подумать страшно, дядюшка, какъ воюютъ: кровь льется, раненные стонутъ и мучаются, умираютъ. Охъ, какъ страшно!

— Ужъ это извѣстное дѣло, когда война, тогда и раненные и убитые...

— Дядюшка, если будетъ война, я пойду за ранеными ухаживать... Ей Богу, пойду,—быстро проговорила Даша и сама улыбнулась на свою дикую мысль.

— Глупая ты, Даша... Недаромъ тебѣ отъ нашихъ бабъ достается. Виданное ли это дѣло, чтобы дѣвчонка на войну шла? Да если бы ты близко увидѣла сраженіе, ты бы со страху умерла. Глупая, какъ есть глупая! Зря говоришь и бѣду накликаешь...

Старый матросъ выкурилъ трубку, выбилъ пепелъ, поднялся, кивнулъ Дашѣ головой и, усмѣхаясь, пошелъ дальше.

Дѣвушка опустила голову и глубоко задумалась.

А бѣда, дѣйствительно, была не за горами. Она подошла, грозная и негданная. Перваго сентября 1854 года около крымскихъ береговъ показался огромный непріятельскій флотъ. Неожиданность этого появленія не дала возможности опомниться окрестнымъ жителямъ и собраться уѣхать.

Переполохъ въ Севастополѣ и окрестностяхъ былъ

ужасный: готовили корабли съ орудіями, съ провизіей, со снарядами; стойко собирались встрѣтить врага солдаты и матросы.

Въ Севастополь прибылъ самъ адмиралъ Корниловъ съ подкрѣпленіями. Вокругъ города былъ совершенъ крестный ходъ, и Корниловъ обратился къ войскамъ съ горячею рѣчью:

— ...Знайте, ребята, отступленія не будетъ, и если кто услышитъ, что я скомандую отступление, — пусть меня заколетъ!..

Съ необыкновеннымъ оживленіемъ были приняты слова Корнилова.

— Умремъ за родное мѣсто! — отвѣчали севастопольцы.

Всюду закипѣла спѣшная работа: открылись всѣ морскіе запасы доковъ, и съ кораблей повезли пушки, цистерны, снаряды, лѣсъ и прочее.

Работали, такъ сказать, не переводя дыханія.

Въ Сухой Балкѣ также всѣ кинулись къ бастіонамъ. И старые и малые старались помогать своимъ же роднымъ матросикамъ, — кто отцу, кто сыну, кто брату... Кто имѣлъ лошадь, отдалъ ее на бастіонъ возить снаряды и землю; дѣти таскали лопаты; женщины работали дни и ночи наравнѣ съ мужчинами. У каждой на умѣ были ребятишки, свой уголъ, кой-какое добро, нажитое тяжелыми трудами, и сжималось сердце несчастныхъ при мысли, что непріятель можетъ разорить и истребить все.

Даша ходила, какъ потерянная, тоже работала и часто плакала. Женамъ матросовъ иной разъ даже досадно становилось:—«Чего Дашка-то реветъ?! Ей не о комъ убиваться».

А бѣдная сирота думала какую-то неотступную думу и мѣста не находила себѣ отъ сердечной тоски. Еще болѣе осудили жены матросовъ Дашу, когда увидѣли однажды, что она остригла свою длинную, густую косу.—«Совсѣмъ сдурѣла дѣвчонка! Никакъ съ ума рехнулась!»—говорили онѣ.

Но долго въ то время судить-рядить о такихъ пустякахъ не приходилось, и на Дашу всѣ махнули рукой.

Слышно было, что непріятель высадился въ 28 верстахъ отъ Севастополя, что тамъ ожидается страшное, рѣшительное сраженіе. Туда, на рѣку Альму, и потянулись войска крымской арміи.

Въ Сухой Балкѣ находился еврейскій шинокъ. Хозяинъ-еврей Мовша не только торговалъ водкой, но и бралъ подъ закладъ вещи. Къ этому-то самому еврею въ глухую, темную ночь прибѣжала Даша съ огромнымъ узломъ въ рукахъ.

— Слушай, Мовша, купи у меня все мое обзаведеніе,—тревожно сказала она.

— Что жъ! У такой хорошей дѣвицы купить можно.

— Тутъ подушки, постель, мое платьишко... Тамъ,

въ домѣ, возьмешь столъ, стулья, сундукъ, посуда кой-какая... Все продаю...

— Знаю, знаю. За все и вмѣстѣ съ домомъ можно дать рублей десять.

— Есть ли у тебя совѣсть, Мовша?!—воскликнула Даша.

— Какъ-же, есть,—отвѣчалъ еврей.

— Домъ свой я не продамъ... Бери все за тридцать рублей... Только дай мнѣ въ придачу еще матросскую одежду, да какую ни на есть бѣлую полотняную тряпку.

Долго торговались они, и, наконецъ, за 19 рублей 35 коп., Даша продала все свое имущество, а отъ еврея получила въ придачу рваную простыню и старый матросскій костюмъ, оставленный у него въ закладъ какимъ-то бѣднымъ матросикомъ.

— Что же, Дашка, ты бѣжать хочешь съ Сухой Балки?—спрашивалъ Мовша, отсчитывая дрожащими руками деньги.

Дѣвушка ничего не отвѣтила, только закрыла лицо руками и залилась горькими слезами.

— Конечно, страшно! Время такое! Ой-ой! Ни за что убьютъ, какъ собаку!—говорилъ сочувственно еврей.

Послѣ того онъ всѣмъ рассказывалъ, какъ перепугалась Дашка непріятеля, какъ она убѣжала съ Сухой Балки и какъ она ревѣла отъ страха.

Всѣ ему вѣрили.

II.

Была темная ночь; лилъ дождь; дулъ холодный вѣтеръ. Трудно было что-нибудь различить въ темнотѣ.

По дорогѣ отъ Севастополя къ рѣкѣ Альмѣ слышалось какое-то глухое, сдержанное движеніе: шлепанье множества ногъ по лужамъ, поскрипываніе колесъ, фырканье лошадей, бряцанье и сдержанный шопоть. Лишь изрѣдка выдѣлялись одинъ-два голоса и скоро умолкали...

— Кажется, не туда идемъ?..

— Нужно правѣ... Вонъ на тотъ огонекъ...

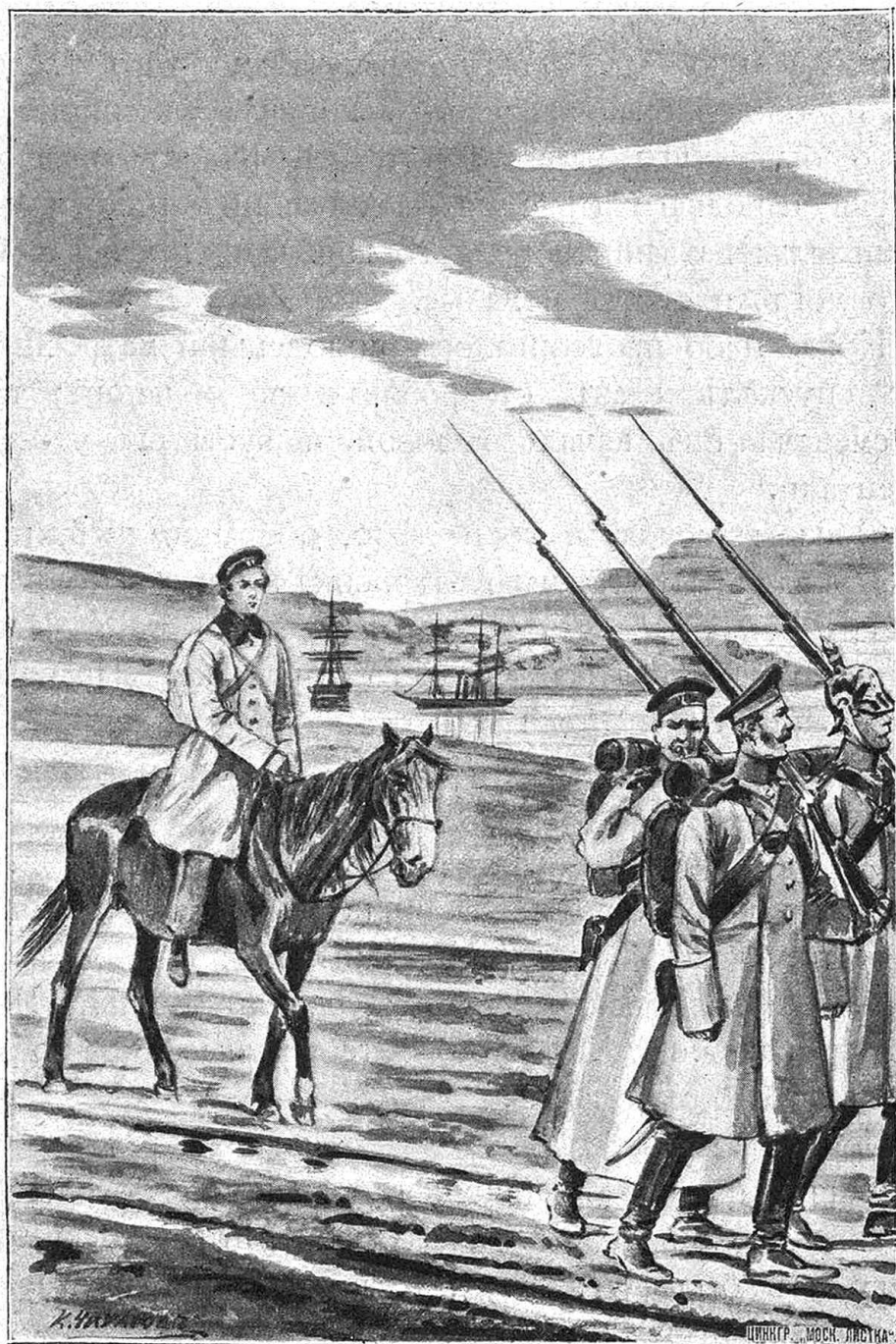
— Правое плечо впередъ!

Огромная масса сворачивала съ пути. Передъ глазами стояла точно черная стѣна. Только мелькавшій временами вдали огонь вызывалъ тихіе разговоры.

Забрезжившій на востокъ разсвѣтъ озарилъ двигавшееся войско. Озябшіе, измученные солдаты шли сосредоточенно, сознавая, что имъ предстоитъ что-то важное.

Къ утру дождь пересталъ. Сильный вѣтеръ нагонялъ съ моря туманъ и становился все сильнѣе и порывистѣе. Небо временами прояснялось. Быстрое движеніе облаковъ съ розовымъ оттѣнкомъ казалось необычнымъ и весьма страннымъ.

На эти облака задумчиво смотрѣлъ одинъ матросикъ. Отставъ далеко отъ войска, онъ медленно двигался за обозомъ и фурами. Ёго безусое, почти

дѣтское лицо было серьезно и печально. Онъ ѣхалъ на изможденномъ татарскомъ конякѣ; за спиной у него была туго набитая котомка. Въ то тяжелое время народнаго бѣдствія такой воинъ никого не удивлялъ: на защиту родного города поднялись всѣ, кто могъ, и старые и малые.

Когда небо прояснилось, молоденькій матросикъ не спускалъ глазъ съ розоватыхъ облаковъ; по временамъ онъ качалъ головой, и губы его что-то шептали.

Обозные солдаты, то и дѣло, оборачивались, по-сматривали на отставшаго матросика и пересмѣивались между собою.

— Чудной, братцы, какой-то мальчонка... Право!...

— Ишь, на «нёбо» глазѣть...

— Должно-быть, юнга какой... Поди, за бѣткой идетъ.

— Ахъ, братцы, нынѣ такое время, что и ребята всѣ за родину пошли... Гляди-ко-сь, что они подъ Севастополемъ дѣлаютъ! Молодцы!

— Эй, ты, морская кавалерія, чего отстаешь?... Поводъ-то держи!... Не то коняка тебя разнесетъ,—крикнулъ кто-то матросику.

Послышался смѣхъ.

Тотъ какъ-будто очнулся, взмахнулъ поводомъ, подогналъ лошадь, но ничего не отвѣтилъ. Всю дорогу онъ былъ угрюмъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ и на шутки не отвѣчалъ.